

TACTICA ADVERSA

Чингисхан нередко прибегал к притворному отступлению, чтобы завлечь врага в преследование и тем легче ударить ему в тыл запасными частями. Так говорят. Также говорят, что неутомимый завоеватель иногда поджигал степь, чтобы тем ускорить движение войска. Может быть, рассказы о разнообразной военной технике великого победителя и правы. Во всяком случае, они правдоподобны, ибо в своих больших походах Чингисхан, наверно, применял самую различную технику, неожиданную для врагов его.

Ему же приписывается, что, желая сохранить здоровую суровость быта, он приказывал своим сановникам раздирать дорогое шелковое платье о терновник, чтобы показать неприменимость таких одеяний. Говорят, также была симулирована заболеваемость от ввозных напитков, чтобы привлечь население к местным молочным продуктам.

В древней истории можно найти многие примеры самой неожиданной обратной тактики, дававшей самые убедительные последствия.

* * *

В битве человек не может распознать, когда именно подвергался он наибольшей опасности. Во время самого столкновения невозможно усмотреть, которое именно обстоятельство было самым опасным или самым благодетельным. Какой-то удар спасал от удара еще большего. Упавший конь падением своим защищал от нежданной гибели. Случайный крик заставлял обернуться и тем миновать смертельную посылку. Потому-то так правильна древнейшая мудрость, обращающая внимание на конец, на следствие всего происшедшего.

Невозможно преднамеренно установить конец, но по концу можно видеть, для чего складывалось многое предыдущее. Нужна для этих наблюдений испытанная внимательность, но также нужно и знание о том, что такое есть тактика адверза? Это последнее обстоятельство, так спасительно действовавшее во многих исторических событиях, часто не усматривается. Правда, люди любят повторять: “Не бывать бы счастьем, да несчастье помогло”, — но в этом речении предполагается как бы случайность какого-то несчастья; а ведь тактика адверза не знает несчастий. Она знает лишь планомерные действия, учесть которые трудно в чрезмерной от них близости.

Каждый путешественник знает, как четко и прекрасно рисуется снеговая вершина на расстоянии, и насколько она теряет форму во время острых, опасных подходов к ней. В событиях также трудно осмотреться в чрезмерной близости. Но тактика адверза говорит успокоительно, что там, где есть чистое огненное стремление, там и все сопровождающие явления сделаются планомерными. Но много

утонченного сознания должно быть приложено, чтобы оценивать необычные действия обратной тактики. Истинная непобедимость всегда будет сопряжена с крайнею находчивостью. Люди не могут познавать верхних ведущих путей и, со своей стороны, должны применять всю чуткость находчивости и подвижности.

Каждый деятель знает ценность подвижности. Как далека должна быть эта истинная подвижность от мелкой суетливости, которая может лишь осложнять правильное движение. Когда деятеля спрашивают, как именно он пойдет, то всякий ответит, что как именно, ему неизвестно, но куда именно, он знает твердо от часа отправления. Тем самым никакие “неожиданности” пути не могут смущать истинного деятеля. Он уже предпослал, что во всем случившемся будет элемент полезности.

Он также знает, что некоторые встреченные противодействия должны быть доведены до обратной крайности, ибо только тогда выявится их смысл, а тем самым найдутся и панацеи. Каждая нелепая выходка приобретает тем большую явность нелепости, если ей помочь докатиться до края. Тогда развернется вся мерзкая инфузория и даже самые мало осведомленные зрители поймут степень безобразия.

Сколько раз опытный предводитель, уже имея возможность пресечь поток нелепости, останавливал своих сотрудников, говоря: “Пусть докатится”. Опытный предводитель вызывал засадные полки лишь тогда, когда действительно исполнялись меры надобности. Какой же он был бы предводитель, если бы вызывал крайнюю помощь раньше времени. Враг еще не был бы вполне явлен. Вражеские силы еще не достигли бы последнего напряжения, а запасные полки были бы израсходованы. Потому обратная тактика, прежде всего, знает, что такое бережливость.

Неопытный зритель восклицает: “Прекратите! Ведь это нелепо!” Но опытный деятель поправит его: “Это не только нелепо, но и безобразно. Повремените еще минуту, и Вы сами увидите несносную степень безобразия и невежества, которое пожрет самое себя”.

История разных народов не случайно постоянно твердит нам о различных проявлениях обратной тактики. Эти повторения позволяют затвердить примеры победительного способа от обратного. Ведь народ говорит: “Дайте вору веревку, он сам повесится”, или: “Не махайте, не махайте, он сам войдет”. Но та же народная мудрость предполагает, что веревка должна быть дана, а ожидание самовхода тоже происходит не в небрежении, но, наоборот, в полной внимательности и озабоченности.

Сколько раз самые добрые заветы говорят о поражении тьмы. Значит, поражение тьмы должно происходить, и поэтому обратная тактика должна быть лишь способом борьбы, но никак не допустительным бездействием. Когда народ говорит: “Дайте вору веревку, он сам повесится”, в этом предусматривается целый ряд действий. Вор должен быть обнаружен. Веревка должна иметься, должна быть достаточна и должна

быть дана. А вор тоже должен произвести действие, ибо он должен на этой веревке повеситься.

История не рассказывает, как Иуда нашел свою веревку. Думается, что нашел он ее как-то особенно, ибо его неслыханное злодейство привело его к самоуничтожению. Только наблюдайте, и вы увидите, как злодейство само поражает себя. Уже приходилось писать вам о многих наблюденных случаях разнообразного поражения злодейства. Действительно, в этом разнообразии самовозмездия заключена необыкновенная изысканность законов.

Вот мы говорим о справедливости, а ведь обратная тактика живет около этого понятия и своими часто неизреченными воздействиями помогает обнаруживанию всей степени зла. Для строения нужно очищенное место. Каждый строитель прежде всего озаботится о почве, на которой лежит фундамент. Он осмотрит, нет ли расщелины и опасных трещин. Всеми лучшими мерами он отведет разъедающую влагу и прежде всего закрепит трещины.

При возведении постройки никто и не представляет себе, какие глубокие подземные работы произошли для крепости стен и башен! Прежде чем применить свои надземные соображения, строитель примет во внимание все глубокие неожиданности. Если показалась влага, он не станет ее сразу забрасывать глинистой почвой, но очень осмотрит, каковы ее окончательные размеры и где истоки ее. Знаем, как иногда задерживались даже спешные постройки, пока не были приведены в порядок подземные неожиданности.

“Благословенны препятствия, ими мы растем”. Сказавший это знал и все размеры препятствий, мог по опыту своему оценить их и применить их во благо. Строение во благо неутомимое, бережное, внимательное. Какая красота заложена в этом неисчерпаемом создавании!

20 февраля 1935 г.

Пекин

Из сборника:

Николай Рерих. НЕРУШИМОЕ Рига, "Угунс", 1936.